

Во дворце султана лампу трут упрямо

КОРРЕСПОНДЕНТЫ «ВЕЧЁРКИ» ПОБЫВАЛИ НА СЪЕМОЧНОЙ ПЛОЩАДКЕ НОВОГОДНЕГО ТЕЛЕШОУ

Что для нас Новый год? В плане атрибутики? Толпы нетрезвых Дедов Морозов на улицах, сутробы, утыканные пустыми бутылками из-под шампанского, всполохи салюта и хлопки петард, оливье на столе и что-нибудь вроде «Голубого огонька» по ТВ. Ставшая традиционной «Зимняя сказка» от Александра Игудина — тоже неотъемлемый элемент процесса новогоднего «перещелкивания каналов» между тостами. Так что нашей газете пройти мимо съёмочного павильона студии RWS было просто невозможно.

МИЗАНСЦЕНА ТАКАЯ...

1 Поворот турникета, и мы прошли. Широкий коридор, в котором с легкостью могут развехаться два микрофургона. Ряд ворот ангарного типа, индикаторы «Тихо, идет съемка». Запретив приставать к актерам, пока не придет местный пиарщик, мимо угрюмого охранника в костюме нас ведут за толстую металлическую дверь.

Нагромождение всего и вся по углам, жгуты проводов тянутся в бетонной пыли, углы ангара тонут в полумраке, и в них скрываются мрачные молодые люди в спецовках, прихлебывающие «автоматный» кофе из пластиковых стаканчиков. Туда-сюда деловито снуют гримеры и еще какой-то обслуживающий персонал, непонятный люд со скучающим видом расселся на пластиковых стульях, какие обычно стоят в летних кафе. Слева, на длинном дощатом столе, «в тени» некоего бревенчатого сруба, изображающего теремообразную постройку, висит гора аппаратуры. Там же — режиссерский контрольный монитор, Александр Игудин что-то кому-то оживленно объясняет, затем всплескивает руками.

— Да что ж это такое! — восклицает он. — У султана борода съехала, где ж гримеры?!

Александр Игудин:
«Я всегда мечтал попасть в любимую сказку. Мечты сбываются».

Моментально две девушки вспархивают и мчатся в центр съёмочной площадки прилаживать бороду. А там... Там у нас жаркое солнце, плавающие в небесах над двориком некоего султана. В центре экспозиции — задумчивый Гальцев-султан профессионально подставляет подбородок, над которым кодуруют девчата. Слева, облокотившись на «тронный стул» Гальцева, медитирует визирь-Стоянов. Справа же от султана некто в одеянии, которое я бы определил как «служебная форма звездочета».

Рядом со мной, на скамье, сидит некая дива, со знанием дела разглядывающая свои длиннющие ногти. На вопрос «кто это?» я был одаден взглядом, полным презрения. Позже было установлено, что это не кто иной, как Ефим Шифрин.

«Меняет же людей грим!» — подумал я. Кто там у нас еще в кадре? Группа девиц, изображающих гарем, как доложила разведка, — некая группа «Наоми», бывшие «Ассорти». Что это значит — не имею понятия. Про громил из массовки с опалами я молчу, они просто есть. Но стоит отметить яркость, сказочность костюмов: тема Востока отлично передана, костюмеру — зачет.

Но вот звучит заветная фраза: «Камера, фонограмма, мотор!» — и пошло-поехало! Картина оживает, из динамиков — детства знакомая песня «Ели бы султан», только на этот раз голосом Гальцева. Но когда все это повторяется уже раз в пятый, становится скучно. Я разглядываю окружающее и понимаю, что вообще не понимаю людей, столь рвущихся на съёмочные площадки. Но наконец-то на площадке снизошел перерыв, появился тот пиарщик — Тимофей, и мы побежали.

Александр Игудин, на счету которого кавер-версии таких сказок, как «Золотая рыбка», «Золотой ключик» и «Морозко», теперь преподнесет телезрителю «Волшебную лампу Аладдина».

«Я САМ СЕБЕ ЗАВИДУЮ»

2 Первая точка — кафе киностудии. Накурено, громко, на стойке буфета — пирожки, в чашках — кофе. Подсаживаюсь за столик к Ефиму ШИФРИНУ, представляюсь, сыплю вопросами в режиме «блиц».

— Знаете, абсолютно не узнал вас в гриме, — начинаю я. — А никто сегодня не узнает, — улыбается он в буфафорскую бороду. — Меня Стоянов едва узнал, съёмочная группа прошла мимо... вот она, магия превращения!

— А это хорошо или плохо? — Во мне играет недоумение. — Идея грима сейчас абсолютно похоронена, и считается, что актер должен быть таким, какой он есть, и «меняться» для той или иной роли лишь с помощью собственных усилий. Я же скучаю по временам, когда актер помогал грим, я грим об этой профессии не только ради того, чтобы прожить чужие жизни, но и примерять на себя чужие личности. Грим, как мне кажется, дает больше возможностей актеру, зрителя же он развлекает и радует. Поэтому мне и нравится здесь сниматься — все яркое, живое, веселое, есть возможность отдохнуть, работать.

— До Нового года еще достаточно далеко, не сложно ли сейчас «включать» новогоднее настроение? — Ой, да что вы! К середине декабря все уже закончится, и к празднику придут уже в настроении. Тем более за годы на сцене я научился «включать» образ, как в сказке, — «по шучьему веленью».

— А как собираетесь отмечать и как справляли предыдущий? — Прошлый Новый год я справлял у друзей на даче, и такие впечатления остались, что сам себе завидую. Представляете, до цивилизации далеко, везде снег. Сначала посидеть за столом, потом выйти, запустить ракету... и не вспоминать о работе! Было время, когда я отсматривал все передачи со своим участием, толкал друзей локтем, мол, «ну как?», и искал одобрения. Но с приобретением опыта это прошло, и порой, даже наткнувшись на передачу «с собой», — переключаешь. Так что год 2012-й собираюсь встречать с семьей, подальше от всей суеты!

На этом беседа кончается — Ефима зовут на площадку, будут снимать его крупные планы. Я же снова нахожусь в бурлящем водовороте безмерно озобоченных решением мировых проблем личностей своего провожатого, и мы отправляемся к Юрию Стоянову.

«В КОНЕЦ СВЕТА — НЕ ВЕРЮ!»

3 Юрий СТОЯНОВ отдыхает в гримерке на третьем этаже, куда нас увлекает лифт. Опять коридор, опять двери, и, по ощущениям, этот этаж напоминает гостиницу. Тимофей стучит в дверь, просовывает туда голову. Тихо что-то говорит, ему отвечают. После прикрывает дверь, показывает на пальцах: «Пять минут». Ждем. Проходят эти самые пять, затем десять минут. Процедура повторяется. Еще ждем. Третий дубль, заходим.

Просторная комната, мебель в голубовато-серых тонах, диван, пара кресел. Юрий сидит на высоком стуле наподобие тех, что в парикмахерских, и задумчиво курит тонкую сигарету. Судя по всему, процесс этот продолжается достаточно давно. Обращаю внимание на турецкие туфли на его ногах с характерно загнутыми носами. Почему-то вспоминается старик Хоттабыч.

— Дуральный вопрос можно? — улыбаюсь я. — Туфли удобные? Выглядят так, что должны жутко жать... — Да нет, вот туфли, кстати, отличные! — усмехается Стоянов. — А вот штука эта, обруч, что был на моей голове, — жмет.

— Ну а сам мюзикл как, нравится участвовать в нем? — Скажем так, — отвечает он достаточно холодно, — я работаю на телеканале и по идее это моя обязанность. Ну а по факту — это некий творческий бартер. Если же говорить о самой сути действия, то старая добрая сказка да на новый, современный нам лад — это то, что нужно: и детям интересно, и взрослые посмеются. Вообще сейчас мало что именно для детей делается. И не то чтобы не было актеров, которые хотели сыграть в таком фильме, и не то чтобы не было режиссера, который взялся это дело снять, а вот кто деньги будет вкладывать, кто сценарий напишет — вот в чем воп-

Чу, отпуск близится!

Птичку не жалко, у султана их много.

• Диагноз «ВП»: для тех, кто не мыслит зимы без масок. Жаль только, что лицемерье все это мы сможем лишь на телеэкране, а не самолично, в шезлонге у бассейна.

«МЕНЯ УМЕЮТ ПРОЩАТЬ»

4 Выхожу в коридор. Замотанный Тимофей спрашивает, кто мне еще нужен. Говорю: «Гальцев». Проходим дальше. Напротив двери гримерки сидит охранник, встреченный мной визну, назовем его «пиджаком». «Там он?» — спрашивает Тимофей. «Пиджаком» утвердительно кивает. Из-за двери — громкое, но невнятное для меня «бу-бу-бу». Проводник мой, совсем грустный, рапортует, что надо ждать, и желательно визну. Идем визну. Я скучающе опустошаю кофейный автомат, Тимофей где-то бегаёт. Внезапно со стороны лифтов появляется Юрий ГАЛЫЦЕВ. В разуконплектованном костюме и полустертом гриме. «Меня кто-то искал?» — интересуется он. Я поднимаю руку, изображая переклассника. По выражению лица Юрия вижу, что шутка оценена. Присаживаемся у входа на съёмочную площадку.

— Банальный у меня вопрос, — говорю я. — Нравится ли мюзикл? По своему желанию или «творческий бартер»? Просто есть прецеденты...

Гальцев улыбается, вопрос его явно позабыл, и, возможно, он понял, в чью сторону «кивок».

— Нравится, иначе бы не снимался! А что — отличный режиссер, с которым я работаю уже четыре с половиной года. Великолепный оперный режиссер, один из тех, кто способен

подсказать очень многое по работе в кадре, по-тихому, по-своему. Здесь сложившаяся команда, в которой чувствуешь себя как рыба в воде. И все это проходит как некий капустник, актеры балдеют, и каждый дубль выполняется с особым смаком. А относительно работы — она у меня всегда будет, на какую студию, к какому режиссеру ни обратись, место найдется, так что ни о каком «бартере» речи быть не может.

— А как Новый год будете встречать? — Вообще если есть работа, даже в праздники, то работаю. Для меня это хороший знак. Особенно здорово, когда знакомство под Новый год какое завяжется — в моем случае это значит, что оно будет продуктивным и надолго. Вообще отдыхаю я в основном под Рождество и старый Новый год: сижу дома, смотрю повторы, что и как у кого получилось. А так очень хочется побольше времени проводить с родными и близкими. А то сердятся они на меня.

— Что ж вы такое утворили? — интересуюсь я. — Да вот, буквально недавно вечером должен был быть дома, а пришлось срочно умотать в Москву, прыгнул на поезд — и был таков. И звоню уже из Москвы, мол, простите, к ужину не ждите. Разошлись на меня.

— И как, простили уже? — Ну да, простили, ведь понимают, что это моя работа. Я умею огорчать, но меня умеют прощать. Ведь мы, актеры, словно разведчики: сорваться, мчаться, сегодня здесь — завтра там.

— А какой подарок вы хотели бы получить? — Подарок... — Юрий задумывается на пару секунд. — Наверно, пусть это будет какой-нибудь невероятно классный сценарий. Такой, чтобы хотелось все бросить и поселиться в нем, словно в каком-то другом мире. Жаль, ничего подобного пока нет...

Наше время вышло, перерыв окончен. Гальцев командует кому-то: «Принесите мои цапки!» — и, махнув мне рукой, исчезает за дверью, ведущей на площадку. Я вздыхаю. Собираю вещи и направляюсь к выходу.

Идя к метро, я размышлял: насколько же странен этот мир, полный бесконечного повторения. И тут меня посетила догадка! Процесс съемки фильма ли, телепередачи — это нечто вроде модели нашего мироздания. Каждый год мы делаем дубль, надеясь, что он будет лучше предыдущего и мы перейдем к следующему эпизоду. Но вот когда это закончится, перед кем будет премьерный показ?

Алексей БЛАХНОВ, фото Натальи ЧАЙКИ

— Скажи, визирь, как там цены на нефть? — Да в порядке, ты давай бюджет подписывай.